

ТРАКТАТЪ ТЕРТУЛЛІАНА

о

МОЛИТВѢ ГОСПОДНЕЙ^{*)}).

Молитва есть живое и практическое выраженіе религиозныхъ вѣрованій, которыя въ молитвенномъ возвышеніи души къ божеству передаются совершеннѣйшимъ образомъ. Въ бесѣдѣ съ Богомъ мы выражаемъ свои мысли объ Немъ, и этотъ языкъ сердца служить свидѣтельствомъ нашей вѣры. И потому молитва можетъ быть выше и ниже, смотря по вѣрованіямъ, которыя ея внушаютъ. Когда религія имѣетъ о божествѣ идеи грубыя, тогда и молитва бываетъ груба и матеріальна, тогда предметомъ ея служатъ только потребности тѣлесныя и блага земныя. А напротивъ, если идея о Богѣ свободна отъ этихъ ложныхъ представленій, если она очищается въ понятіи человеческомъ, — то молитва немедленно принимаетъ характеръ, болѣе духовный и болѣе нравственный. Довольно напримѣръ сравнить молитву язычниковъ, эту молитву эгоистическую и чувственную, съ молитвой ветхаго завѣта, чтобы убѣдиться въ превосходствѣ Моисеевой религіи предъ религіею грековъ и

---

*) Cours d' éloquence sacrée fait a la Sorbonne pendant l'année 1861—862 par M. Freppel.

римлянъ. Вотъ до какой степени справедливо, что религиозное состояніе народа можно измѣрять степенью того совершенства, до котораго восходитъ у него молитва общественная или частная! И такъ евангеліе должно повторяться въ молитвѣ христіанской, какъ въ сокращеніи своихъ вѣрованій, сколько возвышенномъ столько же и народномъ.

Тертуліанъ съ обычною проницательностію замѣчаетъ это внутреннее отношеніе между догматомъ и богочченіемъ. Новому откровенію, говоритъ онъ, должна соотвѣтствовать формула молитвы болѣе совершенная, нежели всѣ предшествующія. «Духъ божественный, Слово божественное, премудрость божественная! Эти изреченія означаютъ то же, что Слово премудрости и премудрость слова и духа. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Слово—Богъ, даровавъ новымъ ученикамъ своимъ новый завѣтъ, преподаль имъ и новый образецъ молитвы, къ которому бы могло быть примѣнено сказанное Имъ: *никтоже приставляетъ приставленія плата небълена ризъ ветсъ; ниже вливаютъ вина нова въ мѣхи ветхи.* (Мат. IX, 16. 17.) Все прежнее измѣнено, какъ то обрѣзаніе; пополнено, какъ-то законъ; совершено, какъ-то пророчества. Новая благодать Божія все плотское премѣнила на духовное, отерши—такъ сказать—евангеліемъ своимъ всю древность какъ бы губкою. Въ семъ отношеніи Господь намъ показалъ, что Онъ есть Духъ Божій, Слово Божіе премудрость Божія; Духъ преодолевающій, Слово поучающее, премудрость оживляющая. Молитва Господня основана на сихъ трехъ началахъ; слово есть устная молитва, духъ составляетъ силу и сущность ея, премудрость просвѣщаетъ.» ¹⁾

Предположивъ, что новый завѣтъ долженъ имѣть литературное выраженіе въ новой молитвѣ, Тертуліанъ приступаетъ

---

¹⁾ Do Ovat. с 1.

къ разсмотрѣнію молитвы Господней, которою называетъ превосходнымъ сокращеніемъ евангелія: Въ словѣ «отець», которое служи́тъ первымъ указаніемъ на духъ новый, онъ видитъ, что христіанство явилось для того, чтобы распространиться между людьми, и основательно замѣчаетъ, что ветхій заветъ не имѣлъ обычая давать Богу этого названія. Дѣйствительно, въ религіи Моисеевой преобладала идея о верховной власти божественной, и страхъ къ имени Іеговы въ сердцахъ іудея господствовалъ надъ чувствованіями болѣе нѣжными: тогда какъ во главѣ закона новаго стоитъ заповѣдь о любви божественной. Тамъ было отношеніе раба къ господину, а здѣсь — сына къ отцу. Что же касается религіи языческихъ, то онѣ даже и не представляли этой сыновней преданности, которая не исключаетъ и благоговѣйнаго страха, но которая ободряетъ его и возвышаетъ чрезъ послушаніе, полное радости и нѣжности. Тамъ почитали боговъ, боялись ихъ и заискивали ихъ благоволенія; но любовь была далека отъ этого исполненнаго интереса богопочтенія. То, что мы называемъ благочестіемъ столь мало проникло въ духъ древнихъ, что Аристотель, разсматривая ихъ идеи объ этомъ предметѣ, не побоялся сказать: »было бы глупо претендовать на любовь Юпитера.« Въ христіанствѣ — напротивъ — божественная любовь должна занять первое мѣсто между чувствованіями сердца. Богъ есть отецъ всѣхъ; ибо Слово, принявъ плоть человѣческую, даровало всѣмъ вѣрующимъ въ него право называться чадами Божиими. Это неисповѣдимое писшество Бога къ человѣку, устанавливая между Богомъ и человѣкомъ отношенія болѣе внутреннія, произвело въ душахъ то упованіе, ту сыновнюю любовь, которой язычество и не знало и которая была столь несовершенна въ ветхомъ заветѣ. Это одно уже показываетъ божественное превосходство христіанства надъ всѣмъ тѣмъ, что предшествовало ему въ исторіи.

Пастырь карфагенскій показываетъ не меньше проникаемости духа, разсматривая три первыя прошенія молитвы Господней. Онъ основательно замѣчаетъ, что въ этой идеальной формулѣ молитвы христіанской предметы небесные предшествуютъ предметамъ земнымъ. Здѣсь человѣкъ остается—такъ сказать—незамѣтнымъ за божествомъ, предметы котораго интересуютъ его болѣе, нежели свои собственные; въ этой молитвѣ онъ забываетъ себя, дабы прежде всего размыслить о славѣ Божіей, о высшей цѣли творенія. Онъ проситъ прославленія Божія посредствомъ святости души, посредствомъ исполненія воли Божіей и пришествія царствія его. Только послѣ этихъ главныхъ желаній и—такъ сказать—желаній безличныхъ, занимается онъ своими нуждами частными. Потребности тѣлесныя занимаютъ самое меньшее мѣсто въ перечисленіи этихъ дѣлъ благодати божественной. Прощеніе грѣховъ, предостереженіе отъ зла и всего того, что можетъ вести къ нему, вотъ то, чего онъ проситъ убѣдительно, припоминая слово Господне: »ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ.« Нельзя не удивляться мудрости, съ какою Тертуліанъ обозначаетъ характеръ молитвы Господней: »сколькою заповѣдямъ, говоритъ онъ, повинujemy мы, произнося сію молитву! Сколько заключаетъ она въ себѣ изреченій, притчей и наставленій, извлеченныхъ изъ евангелія Господня! Сколько въ ней предписаній изъ пророковъ, евангелистовъ и апостоловъ! Мы исполняемъ дѣло поклоненія, именуя Бога Отцемъ своимъ; дѣло вѣры, прославляя Его; дѣло покорности, желая соблюсти волю Его; дѣло надежды, призывая Его царствіе; дѣло раскаянія, прося о прощеніи грѣховъ; дѣло смиренія, испрашивая покровительства Его противъ искушителя. И что тутъ удивительнаго? Одинъ Богъ могъ научить насъ, какъ Ему молиться. Самъ Онъ установилъ сію молитву, одушевляемую и оживотворяемую святымъ Его Духомъ, исходящую изъ божествен-

ныхъ Его усть, восходящую къ небесамъ силою пренебесной Его природы, и лично получающую отъ Отца все то, чего Сынъ научилъ насъ у Него просить* 1).

Говоря, что одинъ Богъ можетъ научить насъ, какъ надобно молиться, Тертуліанъ повторяетъ мысль, которую выразилъ еще Сократъ во «второмъ Алкивіадѣ» Платона. Разсмотрѣвъ критически образъ воззрѣнія и дѣйствій своихъ современниковъ, въ этомъ разговорѣ, который весь вращается около молитвы, греческій философъ дѣлаетъ такое заключеніе, что нѣкто долженъ придти для того, чтобы научить насъ, какъ надобно вести себя по отношенію къ богамъ и людямъ 2). Возмущаясь громадностію желаній, которыя язычники возносили къ небу, онъ совѣтуетъ Алкивіаду воздерживаться отъ молитвы, дабы не обольщаться предметомъ своихъ прошеній. И какъ обыкновенно случается, языческій философъ, прилежно испытывающій зло, оказывается безсильнымъ доставить врачество противъ него. Понятно, что спиритуализмъ Сократа и Платона вдохнулъ слова порицанія къ предметамъ молитвъ, которыя употреблялись въ его время; и ничто не можетъ такъ выставить божественный характеръ молитвы Господней, какъ сравненіе ея съ литургическимъ выраженіемъ сенсуализма языческаго. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ народа, образованнаго или дикаго, который бы не помѣщалъ молитвы въ первомъ ряду своихъ обязанностей по отношенію къ Божеству. »Съ Юпитеромъ начало, съ Юпитеромъ и конецъ«—такова была поговорка древнихъ; и Платонъ намъ говоритъ, что греки и варвары имѣли обычай освящать молитвою каждый день, не пренебрегая этимъ благочестивымъ занятіемъ ни во время счастья, ни во время

1) De oratione IX.

2) 2-e Alcibiade, Dial. de Platon, p. 378. 379.

несчастія 1). Титъ Ливій призываетъ божество для начала своего огромнаго историческаго творенія, равно какъ и Сократъ предъ изъясненіемъ образованія міра. Всегда и вездѣ чувство зависимости выражалось у народовъ въ тройкой формѣ молитвы: т. е. прославленіемъ верховнаго существа, прошеніемъ помощи и благодарственнымъ гимномъ за полученныя блага дѣянія. И удивительная вещь, ученія фаталистическія должны бы изгладить вѣру въ дѣйствіе молитвы; но мы видимъ, что они не подавляли въ человѣчествѣ потребности живаго и дѣятельнаго общенія съ божествомъ. Такимъ образомъ справедливо, что идеи, полученныя по преданію, и инстинкты сердца бывають замѣтны и среди заблужденій разума!

Но молитва, какъ мы сказали въ началѣ, всегда служить отображеніемъ вѣрованій. У язычниковъ она выражала чувственный эгоизмъ, который владычествовалъ въ ихъ сердцахъ. Дабы убѣдить васъ въ этомъ, я представлю образчикъ благочестія языческаго, который я заимствую изъ одной древней поэмы, именно Fastes Овидія. Въ то самое время, когда молитва Господня вышла изъ устъ Иисуса Христа, труженики Лаціума не находили ничего лучше сказать Церерѣ и Землѣ, какъ обратиться къ нимъ съ слѣд. молитвой: 2)

•О могущественныя богини, усиліями которыхъ изгнано древнее варварство и желуди замѣнены болѣе пріятною пищею, —исполните безмѣрно своими дарами неутомимаго земледѣльца. пусть онъ получитъ достойную награду за свой потъ! Позаботьтесь о томъ, чтобы нѣжное сѣмя не переставало расти, а также о томъ, чтобы растущая трава не была преждевременно застигнута смертнымъ холодомъ снѣговъ. Когда мы сѣемъ,

1) Platon, de Legibus, X.

2) Ovid. I Fastes, V, 575 - 594

откройте небо для вѣтровъ очищающихъ; когда сѣмена положены въ землю, оросите ее благотворнымъ дождемъ. Защитите отъ хищныхъ птицъ и засухи поля, покрытыя вашими дарами. Сохраните зерна, которыя возвращаетъ земля; и послѣ жатвы да будутъ полны наши житницы. Сдѣлайте, чтобы скошенный хлѣбъ нашъ сохраненъ былъ отъ порчи, и чтобы вредныя испаренія не потемнили его золотистыхъ колосевъ; чтобы не погибъ отъ сухости и не былъ помятъ подъ тяжестью слишкомъ обильныхъ колосевъ; сдѣлайте, чтобы плевелы, которые непріятны для взора, не показывались никогда въ нашихъ равнинахъ; чтобы поля съ лихвою давали рожь, пшеницу и муку, которая должна два раза испытать дѣйствіе огня.»

Я нисколько не намѣренъ оспаривать литературнаго достоинства этого произведенія; но вы безъ сомнѣнія не могли не замѣтить, что въ этой молитвѣ есть совершенное отсутствіе нравственнаго элемента; что здѣсь душа, исключительно руководимая матеріальными побужденіями, не думаетъ ни на одно мгновеніе обратиться къ себѣ самой, дабы спросить о благахъ духовныхъ, ей недостающихъ. Этотъ главный недостатокъ языческой молитвы съ особенною силою разоблачилъ Спаситель начертывая своимъ ученикамъ истинную формулу молитвы. И если бы я не боялся утомить васъ выписками, то представилъ бы вамъ и другіе гимны, изъ *Fastes* Овидія или элегій Тибулла, равно какъ и воззванія къ богинѣ Робиги и Палесѣ, богинѣ пастушеской ¹⁾. Тотъ же духъ непременно дышетъ въ этихъ произведеніяхъ, въ этихъ поэтическихъ комментаріяхъ богослуженій языческихъ. *Messes et bona vina* ²⁾ счастливая жатва и доброе вино---вотъ сюжетъ, который непрестанно повто-

¹⁾ Ovid. IV *Fastes*, V. 960—982. Tibull. 2-e livre des *Élégies*. 1, V, 1—25.

²⁾ Tibull 1-e livre des *Élégies*, 1. V. 24.

рется въ устахъ набожныхъ язычниковъ. Что же касается другихъ благъ, гораздо драгоцѣннѣйшихъ, какъ то: истины, правды, чистоты совѣсти, добродѣтели, — то язычники весьма мало заботились о томъ, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ своихъ прошеній. Вы знаете молитву Горация; это чистый материализмъ! »какъ думаешь ты, говоритъ онъ своему другу Лоллію, чего я прошу у неба? Сохраненія того, что имѣю теперь, даже меньше этого; я желаю прожить для себя то, что мнѣ остается въ жизни, что боги благоволятъ мнѣ даровать. Хорошаго вѣпаса книгъ, хлѣба на годъ, не ваяться по волѣ обманчиваго рока — вотъ и все, чего я прошу у Юпитера. Да дастъ мнѣ жизнь, богатство, — и этого довольно; спокойствіе душевное я самъ приобретаю¹⁾. Вы замѣчаете, что латинскій поэтъ просить боговъ только о благахъ земныхъ; что же касается добродѣтели, то ему кажется, что онъ самъ и знаетъ и можетъ имѣть ее. И это не есть одна вспышка веселости, не есть только слѣдствіе восторга эпикурейца въ »добромъ гуморѣ«. Цицеронъ, который расположенъ былъ къ мыслямъ болѣе серьезнымъ, тоже не зналъ молитвы въ иной формѣ: »это мнѣніе всѣхъ смертныхъ, говоритъ онъ, что надобно просить бога о счастьи; но надобно и самому имѣть благоразуміе. Кто когда-либо воздавалъ благодарность богамъ за то, что онъ человѣкъ добрый²⁾? Даже въ школѣ Сократа, наиболѣе спиритуалистической въ древности, подобныя идеи господствовали въ душахъ многихъ. Попросивъ у боговъ здравія, силы тѣлесной, значенія въ обществѣ, благоволенія со стороны своихъ друзей, спасенія на войнѣ и увеличенія богатствъ, Ксенофонтъ забываетъ только объ одномъ предметѣ, о божественной помощи, въ которой человѣкъ имѣетъ нужду для того, чтобы избѣгать зла и упраж-

¹⁾ L. I des Epitres, l. V, 102.

²⁾ De nat. Deor. III, 86—88.

пяться въ добрѣ ¹⁾. Языческій сенсуализмъ дѣйствительно могъ привести только къ тому результату, что надобно, какъ замѣчаютъ Тертуллианъ и Сократъ, чтобы самъ Богъ пришелъ научить людей истинной молитвѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе глубокіе инстинкты души чело-вѣческой, равно какъ и отголоски первобытнаго преданія, вездѣ ослабляли этотъ матеріалистическій характеръ религіознаго дѣйствія. Мы видѣли, что Сократъ, раздраженный желаніями, въ которыхъ нисколько не было нравственнаго чувства, предпочелъ совершенное воздержаніе неразумнымъ практическимъ опытамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ оскорбленіе для божества и вредъ для людей. Платонъ, его истолкователь, представилъ лучше и вѣрнѣе эту молитву древняго поэта: »Всемогущій Юпитеръ, дай намъ блага, будемъ ли мы просить ихъ или не будемъ, и отклони отъ насъ зло, хотя бы мы его желали« ²⁾. Тогда еще не было другаго вопроса, кромѣ вопроса о благахъ чувственныхъ, и колебаніе философа въ выборѣ предмета для молитвы ясно показываетъ, что въ этомъ случаѣ языческое сознаніе было покрыто мракомъ. Еще болѣе возвышенныхъ мыслей находимъ въ этой молитвѣ, которую авторъ »2-го Алкивіада« приписываетъ Лакедемонянамъ: »Боги, дайте намъ честное съ полезнымъ« ³⁾. Какъ ни неопредѣленна эта формула, но нельзя не замѣтить въ ней отголоска молитвы христіанской. По крайней мѣрѣ блага духовныя занимаютъ здѣсь приличное мѣсто. Есть мысли о духовныхъ благахъ и въ возваніяхъ, съ которыми Сенека и Ювеналій обращаются къ богамъ. Это значить, что въ эпоху, когда они писали, общественное мнѣніе уже измѣнялось подъ тайнымъ вліяніемъ идей христіанскихъ; по крайней мѣрѣ

1) Oeconom. XI, § 8.

2) 2-е Alcibiade, ibid. p. 368.

3) Ibid. p. 396.

это надобно сказать о высшихъ слояхъ общества. Доказательствомъ служитъ то, что стоикъ подчинялся этому вліянію безъ вѣдома и противъ воли, и что молитва Сенеки находится въ явномъ противорѣчій съ его учніемъ. Повторивъ нѣсколько разъ, что мудрецъ можетъ почерпнуть нравственную силу только въ себѣ самомъ, Сенека забывается, когда проситъ у боговъ »спокойствія, здравія душевнаго и тѣлеснаго«¹⁾. Ювеналій тоже точь въ точь не согласуется съ своими началами. Молитва, которою заключается его 10-я сатира, конечно есть то, что древность языческая представляетъ самаго замѣчательнаго въ этомъ отношеніи. Поэтъ хочетъ безчисленными примѣрами показать, что люди часто просятъ дѣйствительныхъ золь, думая, что просятъ истинныхъ благъ.

»Вѣрь мнѣ, говоритъ Ювеналій, предоставь богамъ заботу оцѣнить то, что намъ прилично, что намъ можетъ быть полезно. Мы просимъ того, что нравится; а они дадутъ то, что нужно: человекъ для нихъ гораздо дороже, чѣмъ онъ для себя самаго. Однако, если ты обращаешься къ нимъ съ какимъ либо желаніемъ, если приносишь имъ, въ ихъ храмахъ, жертву съ священными внутренностями животнаго,—то проси здравія духа вмѣстѣ съ здравіемъ тѣла; проси души сильной, изътой отъ ужасовъ смерти, души, которая бы могла смотрѣть на смерть какъ на благодѣяніе природы; души, способной переносить всѣ несчастія, которая бы не заблуждала никогда и не желала ничего, которая бы жестокія испытанія Геркулеса предпочитала чувственности и праздноствамъ Сарданапала. Вотъ блага, которыя ты могъ бы доставить самому себѣ. Одна добродѣтель ведетъ къ тишинѣ счастья. О судьба, твоя сила исчезла бы, еслибы мы были мудры«²⁾.

1) Sénèque, 10-e Ep. à Lucile.

2) Juvenal, X Satire, 346—366.

Весь духъ стоицизма открывается въ этой молитвѣ, оставляющей за собою много точекъ возрѣнія, къ которымъ приближались древніе. Но тонъ не менѣе лживъ, несмотря на трудъ, съ которымъ поэтъ силится встрѣтить грядущее зло. Если, какъ сказалъ Ювеналій, добродѣтель есть благо, которое мы сами можемъ доставить себѣ,—то молитва должна быть излишняя. Это пустой звукъ, который умираетъ на устахъ стоика; потому что гордость душитъ въ немъ этотъ вопль души къ Богу. Молитва не искренняя, если она является въ сердцѣ, какъ сознание нашей беспомощности. Но основное начало стоицизма то, что мудрецъ долженъ быть доволенъ самимъ собою. Вотъ почему молитва остается для него предметомъ запрещеннымъ, не смотря на усилія Ювеналія указать для нея истинную формулу. Словомъ, молитва грековъ и римлянъ была не иное что, какъ выраженіе матеріализма, который служитъ основаніемъ ихъ религіи: душевныя блага всегда представляются исключенными изъ этихъ прошеній, которыя имѣли предметомъ своимъ только удовольствія земныя. И если бы, когда нибудь, какой-либо высшій духъ захотѣлъ возстать противъ этихъ эгоистическихъ желаній, то колебаніемъ и непостоянствомъ своихъ идей онъ высказалъ бы свое невѣденіе касательно этого главнаго пункта, или же предложилъ бы формулы вовсе несогласныя съ ученіемъ. Итакъ, чтобы убѣдиться въ божественности христіанства, слѣдуетъ сравнить молитву Господню, столь чистую, столь возвышенную, столь безынтересную, столь глубоко-нравственную—съ тѣмъ, что языческая древность представила съ цѣлю выразить въ молитвѣ религіозныя чувства сердца человѣческаго.

Показавъ, что молитва Господня осуществляетъ идеалъ молитвы, что она есть какъ бы сокращеніе евангелія и совершеннѣйшее выраженіе потребностей какъ духовныхъ такъ и тѣлесныхъ, Тертуліанъ перечисляетъ степени, которыя приводятъ къ исполненію этого дѣянія. Неполненіе заповѣдей, говоритъ

онъ, открываетъ молитвѣ путь къ небу ¹⁾. Чистое сердце, духъ изыятый отъ скорби и недовольства, душа, внутри которой царствуютъ миръ и любовь, вотъ лучшія условія для того, чтобъ быть услышаннымъ. Ничто такъ не далеко отъ мысли Тертуліана, какъ приписать дѣйствию матеріальному значеніе добродѣтели, которая всегда зависитъ отъ приготовленія нравственнаго. И это не значить, что онъ пренебрегаетъ внѣшней стороной молитвы: и онъ требуетъ отъ молящагося смиреннаго положенія тѣла, умѣреннаго звука голоса, словомъ—отсутствія всякой страсти. Онъ только жестоко порицаетъ безсмысленное исполненіе устава и суевѣріе, равно какъ обычай умывать руки по примѣру іудеевъ, или садиться при окончаніи молитвы, какъ дѣлали язычники въ присутствіи своихъ идоловъ ²⁾. Всѣ эти подробности распространяютъ живой свѣтъ на обряды и обычаи первобытной церкви. Мы видимъ, что молитва Господня предпочиталась всѣмъ другимъ молитвамъ; что она была соединена съ постомъ; что христіане имѣли обычай молиться на колѣняхъ, за исключеніемъ праздниговъ Пасхи и Пятидесятницы; что они повторяли этой обычай три раза въ день, въ часы третій, шестой и девятый; что они молились съ распростертыми руками на подобіе креста, запечатлѣвая лобзаніемъ мира молитву, которая оканчивалась словомъ »аллилуіа«, и проч.

Наконецъ Тертуліанъ съ особеннымъ чувствомъ изображаетъ чудесныя дѣйствія молитвы христіанской. »Когда Богъ, пишетъ онъ, въ чемъ либо отказывалъ молитвѣ, возносимой къ Нему духомъ и истинною? Все то, что мы читали и слышали, все наше вѣрованіе неоспоримо доказываетъ дѣйствительность такой молитвы. Подъ древнимъ закономъ молитва могла уже ограждать людей отъ голода, отъ пожаровъ и отъ

¹⁾ De Oratione, XI.

²⁾ De Orat. XIII, XIV, XVШ.

дигихъ звѣрей; но она не была еще образована и освящена Иисусомъ Христомъ. Во сколько кратъ могущественнѣе молитва христіанъ? Она не низводитъ ангела, *яко духъ росы шумящъ, въ огненную пещь* (Дан. III, 50), она не сводитъ съ неба грубаго хлѣба алчущимъ, не отвращаетъ отъ насъ никакого страданія; но она подаетъ мужество страждущимъ и терпѣніе воздыхающимъ: сила ея умножаетъ благодать, дабы вѣра вѣдала, что страданія происходятъ отъ Бога и должны быть переносимы изъ любви къ Нему. Древле молитва могла низводить казни на людей, обращала въ бѣгство воинства, лишала землю благотворнаго дождя съ небесъ. Нынѣ молитва умѣетъ только устранять гнѣвъ Божій: христіанинъ молится за враговъ и за гонителей своихъ. Вы удивляетесь, когда пріятная роса сходить съ неба по гласу молитвы, которая можетъ низвести съ него и самый громъ. Одна только молитва имѣетъ силу преклонять и умиловать Бога. Но Иисусъ Христосъ не предоставилъ ей никакой власти надъ зломъ: все ея могущество состоитъ въ доставленіи счастья намъ и другимъ людямъ. Тутъ она представляетъ изображеніе жизни Господа нашего, который, во время пребыванія своего на земли, воскрешалъ мертвыхъ, укрѣплялъ слабыхъ, исцѣлялъ больныхъ, изгонялъ бѣсовъ, отверзалъ темницы и разрѣшалъ узы певинныхъ. Молитва изглаждаетъ грѣхи, удаляетъ искушенія, останавливаетъ мечъ гоненія. Молитва утѣшаетъ немощныхъ и увеселяетъ сильныхъ. Молитва руководствуетъ странниковъ, усмиряетъ грозы и приводитъ въ оцѣпененіе разбойниковъ. Молитва питасть бѣдныхъ и учитъ богатыхъ воздержанію. Молитва возстановляетъ падшихъ, укрѣпляетъ колеблющихся и убѣждаетъ противящихся. Молитва есть огражденіе вѣры и щитъ намъ противъ взоровъ злочестивцевъ, подстрегающихъ паденіе наше, чтобъ этому порадоваться. Итакъ не станемъ ходить иначе, какъ подъ покровомъ сего оружія. Не будемъ забывать во время

*

дня стоянія, и ночью бдѣній нашихъ. Со всоружіемъ молитвы должны мы защищать знамя нашего Владыки, и ожидать того знаменія, которое нѣкогда возвѣщено будетъ трубою ангела. Всѣ ангелы, всѣ твари молятся. Стада скота и звѣри лѣсные преклоняютъ колѣна, исходя изъ своихъ убѣжищъ: они поднимаютъ чело свое къ небу и привѣтствуютъ его своимъ мычаніемъ. Птицы съ наступленіемъ утра направляютъ полетъ свой къ небу: вмѣсто рукъ простираютъ онѣ свои крылья въ видѣ креста, и щебечутъ нѣчто такое, что походитъ на молитву. Что мнѣ остается еще сказать касательно сего необходимаго долга? Самъ Господь молится. Да будетъ же Ему честь и слава во вѣки вѣковъ¹⁾.

Этой величественной похвалою молитвъ заключается трактатъ о молитвѣ Господней. Поэтическая душа Тертуліана не могла не присовокупить къ этому религіозному дѣйствию величественнаго гимна о твореніи, которое воспѣваетъ дѣла Божіи, повинувась Его законамъ. Въ самомъ цѣлѣ, если вселенная имѣетъ цѣлю прославленіе своего Творца, то она должна во всѣхъ частяхъ этого чуднаго цѣлаго произвести удивительный концертъ, въ которомъ бы имѣло свой голосъ каждое существо. Это возвышеніе природы къ своему Творцу есть безъ сомнѣнія не иное что, какъ символъ хвалы, которая должна быть ключемъ изъ сердца человѣческаго. Человѣку, представителю видимаго міра, прилично выражать эту всеобщую гармонію полнымъ языкомъ вѣры и любви. Понимаемая въ этой формѣ, какъ дѣйствіе богопочтенія, или даже какъ выраженіе благодарности за всѣ дары, какими наслаждается человѣкъ, молитва никогда не была отвергаема учеными, допуславшими существованіе Божіе. Рационализмъ вооружается противъ молитвы преимущественно въ томъ случаѣ, когда она содержитъ прошеніе,

¹⁾ De oratione, XXIII.

когда отъ нея ожидаютъ важныхъ результатовъ не только нравственныхъ, но и физическихъ, картину которыхъ старается представить намъ Тертуліанъ. По мнѣнію софистовъ, молитва въ такомъ видѣ никакъ не примиряется съ непоколебимостію Божества, которое всего менѣе требуетъ отъ насъ отступленія отъ заповѣдей природы, или такъ называемаго чуда. Это возраженіе, уже развитое Руссо въ *la profession de foi du vicairе savoyard*, я нахожу повтореннымъ во всей силѣ авторомъ книги болѣе новой: »О религіи естественной«¹⁾.

»Если взять во вниманіе совершенство Божіе, то невозможно допустить, чтобы Онъ рѣшился измѣнить кабую-либо вещь, а тѣмъ менѣе, чтобы эта перемѣна могла произойти вслѣдствіе ходатайства существа столь суетнаго и непредусмотрительнаго какъ человѣкъ. Если Богъ разнообразить свою волю, то Онъ не есть существо неизмѣняемое; Онъ—значить—не всегда равенъ и подобенъ Самому Себѣ; Онъ подверженъ подобно намъ, условіямъ, движенія и времени, и безконечность для Него не существуетъ. Мы должны быть убѣждены, что опредѣленіе, сдѣланное Богомъ при образованіи міра, было наилучшимъ и совершеннѣйшимъ. Но позволяя себѣ измѣнять порядокъ міра, Онъ дѣлаетъ менѣе добра; ибо нельзя же предположить, что мы можемъ улучшать намѣренія Божіи. По этой гипотезѣ выходитъ, что Богъ, столь благій въ явленіи, есть не иное что какъ несовершенный работникъ, котораго произведеніе имѣетъ нужду каждую минуту быть исправляемымъ, и который необходимо уготовлялъ бы зло, если бы исполнялъ всѣ наши безсмысленныя и противорѣчущія прошенія. Напрасно говорить, что Онъ только тогда исполняетъ наши молитвы, когда онѣ разумны; это значить играть словами, потому что молитвы тогда только разумны, когда онѣ согласны съ Его волей, а это тоже

¹⁾ Jules Simon, *la Religion naturelle*. Paris, 1857, p. 329.

самое что сказать: Богъ насъ никогда не слушаетъ. Богъ не измѣняемъ; Онъ не разнообразить никогда своихъ намѣреній, и наши молитвы не могутъ измѣнить Его порядка. Словомъ, намъ кажутся противорѣчущими эти двѣ истины: 1-я, что молитва для насъ есть обязанность и потребность; 2-я, что молитва бесполезна, бессильна, невозможна.»

Авторъ, поцитованный мною, справедливо находитъ здѣсь противорѣчіе болѣе видимое нежели дѣйствительное; ибо когда встрѣчаются двѣ истины, которыя кажутся противорѣчущими, то здравый разумъ и логика обязываютъ допустить ту и другую, хотя бы даже трудно было примирить ихъ. Но онъ заключаетъ несправедливо, когда говоритъ будто бы такая противоположность существуетъ на самомъ дѣлѣ. »Наша молитва должна быть средствомъ приближенія нашего къ Богу посредствомъ размышленія и любви. Самая лучшая молитва есть не иное что, какъ любовь къ Богу. Любить Бога, любить добро, желать его, — вотъ молитва!«¹⁾.

Молитва, понимаемая христіанами, нисколько не имѣетъ въ виду того, чтобы перемѣнить одно божественное опредѣленіе на другое, и слѣдовательно, чтобы произвести хотя малѣйшее измѣненіе въ божественномъ существѣ. Такого рода непостоянство можетъ быть только въ человѣкѣ, который непрестанно занятъ передѣлкою своихъ произведеній и замѣненіемъ проэктовъ вчерашнихъ проэктами нынѣшними; но Богъ есть существо вѣчное и неизмѣняемое. Такъ какъ Онъ отъ вѣчности видѣлъ, чего извѣстный человѣкъ будетъ просить, — то отъ вѣчности же могъ и положить, чтобы молитва этого человѣка была исполнена. Этотъ актъ нисколько не измѣняетъ Его воли, ибо зная несомнѣнно то, что человѣкъ положитъ свободно, Онъ опредѣлилъ послѣдовательность приговоромъ неизмѣннымъ. Блаж. Ав-

¹⁾ M. Jules, la religion nouvelle, p. 338.

густинъ прекрасно выразилъ эту истину: *Deus cuncta mutabilia incommutabili voluntate disponit* ¹⁾. Безъ сомнѣнія мы не можемъ понять, какъ Богъ посредствомъ простаго и нераздѣльнаго акта можетъ желать всего, что Ему угодно; намъ не дано объяснить, какимъ образомъ Онъ объемлетъ однимъ и тѣмъ же воззрѣніемъ все, что знаетъ; но этотъ недостатокъ пониманія долженъ удерживать въ предѣлахъ нашъ разумъ.— Вы замѣчаете, что вопросъ о молитвѣ воспроизводитъ въ другой формѣ вопросъ о свободѣ челоѳческой по отношенію къ предвѣденію божественному, или лучше—это есть не иное что, какъ часть главной проблемы о существованіи безконечнаго съ конечнымъ...

Не менѣе легко отвѣчать и тѣмъ которые говорятъ, что молитва, если она дѣйствительна, всегда имѣетъ въ себѣ отпечатокъ чуда, или чистаго отступленія отъ законовъ природы! ²⁾ Мы охотно допустимъ, что такое дѣйствіе молитвы можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ; ибо доказывать, что Богъ совершенно безсиленъ предъ законами, которые Онъ установилъ свободно, значить тоже, что отрицать Бога. Определеніе, возмимѣвшее силу въ ту минуту, когда дано было движеніе закону физическому, не менѣе вѣчно, если я могу такъ выразиться, какъ и то, которое установило самый законъ. Но очень много нужно для того, чтобы чудо сдѣлалось обычнымъ результатомъ молитвы. Богъ внемлетъ намъ часто, нисколько не перемѣняя обык-

¹⁾ L. II, ad Simplic., qu. 2.

²⁾ Rousseau. Profess. de foi. t. II.

новеннаго дѣйствія своего провидѣнія. Какъ очень хорошо сказать Лейбницъ, Онъ видѣлъ наши молитвы прежде, нежели установилъ порядокъ вещей, или говоря точнѣе, видѣлъ наши молитвы въ то время, когда устанавлилъ теченіе происшествій¹⁾. Это вѣчное знаніе, которое Онъ имѣлъ о нашихъ молитвахъ, это предвѣчное распредѣленіе происшествій, предполагають въ Богѣ не два дѣйствія послѣдовательныя, но одно дѣйствіе, въ которомъ причина логически предшествуетъ дѣйствию, опредѣленію. Возраженіе софиста предполагаетъ, что слѣпая судьба править предметами міра, или что божественный планъ развивается по желѣзной необходимости, такъ что нѣтъ болѣе мѣста дѣйствию свободныхъ существъ. Это въ высшей степени ложно. Свободныя существа тысячекратно дѣйствуютъ на ходъ вселенной, механизмъ которой устроенъ такъ, что Богъ можетъ видоизмѣнять пружины ея по Своей волѣ, не нарушая тѣмъ гармоніи. Когда мы вспахиваемъ ниву, то получаемъ результаты, которыхъ не произвели бы сами законы природы. Развѣ въ этомъ случаѣ мы дѣлаемъ чудо? И неужели Всесогущій не можетъ имѣть на природу и такого вліянія, какое имѣетъ человекъ, вооруженный лопатой или заступомъ? Неужели Онъ не можетъ въ благодѣтельномъ соединеніи установленныхъ Имъ законовъ найти средства произвести такое дѣйствіе, какое Ему угодно? Законы природы постоянны и общи: очень хорошо; но игра ихъ гибка и эластична до безконечности; но приложеніе

¹⁾ Théodicée t. II, p. 416

ихъ можетъ быть разнообразно, и въ этомъ движеніи силъ и элементовъ міра неизмѣримое мѣсто для свободнаго дѣйствія Провидѣнія. Законы природы развѣ теряютъ свою правильность, если Богу угодно будетъ соединить ихъ гибкую игру для исполненія своихъ намѣреній? Вспыхнулъ пожаръ: нѣтъ сомнѣнія, что огонь есть явленіе физическое; но развѣ законы природы строго требовали, чтобы въ извѣстный часъ, человѣкъ бросилъ искру въ такую часть дома, которая способна была воспламениться, чтобы онъ не нашелъ никого, кто могъ бы погасить огонь впачалѣ, чтобы хозяинъ дома былъ въ отсутствіи и проч. и проч.? Кто не видитъ, что обстоятельства были бы можетъ быть совершенно другія, если бы Богу угодно было измѣнить ихъ теченіемъ причинъ нравственныхъ и физическихъ, управленіе которыми находится въ единой Его десницѣ? Это сравненіе приложимо ко всѣмъ случаямъ жизни.— Словомъ, въ молитвѣ мы не просимъ отступленія отъ законовъ природы, или чуда; а просимъ, чтобы Господь направилъ теченіе происшествій къ той цѣли, къ которой мы желаемъ, если эта цѣль согласна съ Его волей, если этимъ не нарушается благо прочихъ тварей.

Согласно съ разумомъ, который побуждаетъ насъ видѣть въ этомъ религіозномъ дѣйствиіи потребность и долгъ, Тертуліанъ опирался кромѣ того на всеобщемъ преданіи рода человѣческаго и на божественномъ откровеніи. Всеобщность молитвы есть дѣйствительно непрерываемое доказательство ея законности. Если человѣкъ не переставалъ въ молитвѣ свидѣ-

тельствовать свою зависимость отъ верховнаго существа: то это потому, что онъ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ понималъ, что не воздавать этого почитанія значитъ открыто возставать противъ Бога. Софисты напрасно хотятъ поколебать общее вѣрованіе; родъ человѣческій, проникнутый своей вѣрой, продолжаетъ молиться не смотря на ихъ разглагольствіе.

К. С.

